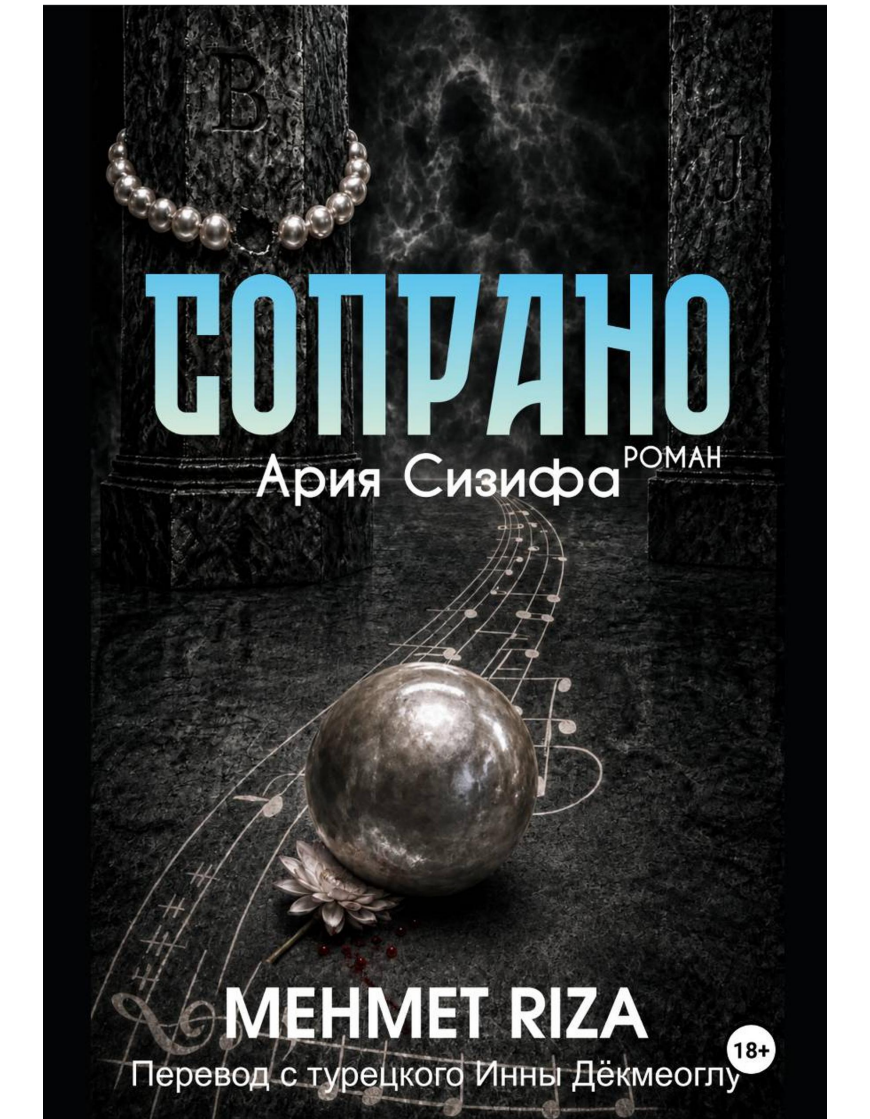

СОПРАНО

Ария Сизифа ^{РОМАН}

МЕХМЕТ RIZA

Перевод с турецкого Инны Дёкмеоглу

18+

МЕНМЕТ RIZA

СОПРАНО . Ария Сизифа

<https://litres.ru/74397264>

SelfPub; 2026

Аннотация

Драма примадонны глазами международного оперного критика

На пути молодой сопрано Нилюфер — не только сцены мечты, но и люди, решающие, кому суждено на них оказаться. Во главе их стоит Тезджан Айкол — человек, который, несмотря на отсутствие таланта, создал в мире оперы систему власти и распоряжается чужими судьбами.

Путь Нилюфер из Анкары в Москву и на крупнейшие сцены Европы сопровождается взлётом её голоса и ростом цены успеха. Став примадонной, которой рукоплещет мир, она остаётся женщиной, измученной прошлым и теряющей связь с реальностью. Любовь двух страстно привязанных к ней мужчин стирает грань между желанием защитить и стремлением обладать.

В тени эзотерических структур искусство переплетается с властью, а борьба за влияние становится частью политического разрушения.

«Сопрано. Ария Сизифа» — редкий роман, где опера предстаёт не декорацией, а самостоятельным миром. Искусство,

власть, страсть, тайные структуры и хрупкая связь сознания с реальностью сливаются здесь воедино.

Содержание

Глава 1

5

МЕНМЕТ RIZA

СОПРАНО . Ария Сизифа

Глава 1

Шифр забвения

В городе, захваченном гигантскими зданиями, разраставшимися, словно сорная трава, весенний вечер омрачали тяжёлые тучи, затянувшие небо. Вечерний трафик был удушающим. Прежде чем нажать на кнопку звонка, Нилюфер ещё раз посмотрела на бесконечную вереницу машин, ползущих по проспекту. В этом уродливом скопище людей и зданий ей хотелось выкричать ту боль, о которой она никому не могла рассказать. Рукавом она вытерла навернувшиеся на глаза слёзы. Мысли словно разъедали Нилюфер изнутри. Её свободолюбивая натура оказалась загнанной в угол. Дрожащими пальцами она снова потянулась к звонку. И снова полный грусти внутренний голос остановил её – рука застыла на полпути. В этот момент в её сознании вихрем пронеслись все страхи прошлого... И чем больше рассыпались её надежды забыть всё пережитое, забыть свою семью, тем яснее перед ней возникал образ отца... Она чувствовала себя чуть ли не иудой, словно предала мир ценностей, унаследованный

от семьи. Подобный страх она уже испытывала раньше: в годы учёбы в консерватории, когда узнала, что отец отрёкся от неё.

Сейчас прошлое застыло перед её глазами, словно стоп-кадр. С тех пор как она покинула свою серую жизнь в провинциальном городке, ей не везло. Семь лет назад она сбежала из дома из-за отца, который был против её учёбы в консерватории. И все эти семь лет стремилась связать свою жизнь с музыкой. У неё был красивый голос. Ещё в детстве она научилась скрашивать свою жизнь в бесцветном городке песнями. Повзрослев, она стала настоящей красавицей, а её мелодичный голос неизменно привлекал внимание молодых людей. Когда мать, для которой женское начало уже давно сводилось только к бесконечным домашним делам, рассказала отцу, что их дочь хочет учиться музыке, отец запретил ей петь. Мир Нилюфер рухнул, казалось, солнце перестало всходить. Ей было семнадцать, когда она решилась. Тайно сдав вступительный экзамен в консерваторию, она сбежала из дома. Будущее без музыки казалось ей невозможным.

Нилюфер бродила перед зданием, пока не опустилась на окружённую клумбами скамейку. Она хотела позвонить наконец в эту дверь, словно разрывая тем самым последние нити, связывавшие её с прошлым. Однако груз противоречий преследовал её с самого детства и сейчас вновь заставил остановиться на полпути. Тогда как по дороге сюда она была полна решимости освободиться от прошлой жизни, сжечь за

собой все мосты. Одинокая и потерянная, она подняла глаза к тёмному небу. Потом повернулась к ультрасовременному зданию в форме морской раковины. Попыталась принять ту реальность, которая привела её сюда.

Окончив консерваторию, она могла с лёгкостью, словно играючи, исполнять партии Дездемоны, Болены, Леоноры и леди Макбет, свободно перекрывая звук оркестра, даже если он уходил в крещендо или играл фортиссимо. Она обладала гибким голосом с драматичным оттенком и особой прозрачностью звучания. Она знала, что талантлива, и это позволяло ей мечтать: вот она, турецкая жемчужина, поёт на сцене Метрополитен-оперы с её великолепной акустикой, а её голос разносится над всем Нью-Йорком – от Бронкса до Ста-тен-Айленда. Или как она демонстрирует всему миру стратосферные ноты сложнейших колоратурных партий в операх Томаса Адеса... Но на экзаменах в оперу её ждало разочарование: её наивный талант оказался бессилён перед приёмной комиссией.

Оставшись без копейки, она начала выступать в барах. Своим чистым голосом исполняя всё – от классического джаза и танго до народной музыки и фаду¹, – она быстро превращала случайных посетителей в постоянных клиентов, но каждый раз её увольняли под вежливым предлогом. Почему она нигде не могла удержаться? Этого Нилюфер не по-

¹ Фáду (порт. fado) - португальский музыкальный (исторически также танцевальный) жанр

нимала. Она поёжилась, словно от холода. Засунула руку в карман, и её пальцы наткнулись на бумажку с адресом. Словно в тумане она стала читать. Да, именно этот адрес. Нилюфер долгим взглядом посмотрела на сияющее в темноте здание и в этот момент почувствовала на себе бесцеремонный взгляд случайного прохожего. В лёгком замешательстве она прикрыла колени полой пальто. Когда заморосил дождь, она пошла по тротуару нерешительными шагами. Поток жизни, струившийся перед ней, напоминал причудливое и безумное театральное действо. На мрачных лицах людей словно отпечатались вся тяжесть их жизни. Провожая прохожих пустым взглядом, Нилюфер продолжала перелистывать в памяти горькие страницы прошлого.

С тех пор как незадолго до выпуска она отвергла омерзительное предложение завкафедрой дирижирования, удача отвернулась от неё. Три года она хваталась за любую работу, которую удавалось найти, и прилагала невероятные усилия, но без поддержки семьи приходилось тяжело. Сердце до последнего сопротивлялось тому, с чем уже смирился разум, но сломленная гордость в конце концов привела её сюда. Она ничего не сказала своему молодому человеку и собралась у себя дома. Надела платье цвета яркого сапфира, уложила волосы и вдруг оказалась здесь, словно пёрышко, принесённое ветром. Если она нажмёт кнопку звонка, перед ней откроются двери в мир оперы. И, быть может, это будет тем самым первым шагом к славе, о которой она мечтает. Но

каково будет завтра утром проснуться в объятиях годящегося ей в отцы учителя, предложившего карьерный рост через собственную постель?

Она обдумывала своё положение со всех сторон, и мысль о том, что она может не стать оперной певицей, снова и снова причиняла ей боль. Она считала себя достойной большего, чем то, что уготовила ей судьба. Когда она заметила, что невольно удаляется от здания в форме морской раковины, она замедлила шаг, понимая, что упускает единственный шанс, который предоставила ей судьба. Мысли совсем спутались. Она уже не слышала клаксонов, не видела лиц людей. Она должна была отомстить за свою прошлую пустую жизнь и вернуть себе то, чего её лишили. Испытывая отвращение к самой себе, она вернулась, подошла к зданию и, стараясь ни о чём больше не думать, нажала на кнопку звонка. Услышала неожиданно приветливый голос, словно её здесь ждали: «Код лифта 9-7-3-1-1». Говорящий, конечно, видел её в камеру. Даже если на секунду и промелькнула мысль передумать, Нилюфер её тут же отбросила. Войдя в открывшиеся двери, она оказалась в странном помещении. Стены и потолок были полностью покрыты зеркалами, внутри не было ни дверей, ни лестницы. Не было ничего, кроме закрывшейся за спиной двери – она была в лифте. На одной из зеркальных стен отражались два огонька камеры. Нилюфер так нуждалась сейчас в каком-нибудь светлом, тёплом воспоминании из прошлого. Тоска по матери, любовь к сестре... Но

тут в сознании возник образ отца, и она судорожно сглотнула. «Нет!» – глухо выдохнула она. Она не могла вернуться в родной город, признав своё поражение. Она принялась порывисто набирать код, едва не ломая кнопки. 9-7-3-1-1. С момента, когда тронулся лифт, началась ночь, вдохнувшая новую жизнь в её мечты. Лифт поднимал её ввысь.

Прошло несколько долгих секунд, и двери открылись. Она оказалась в полуосвещённом зале, полном людей. С опаской она вглядывалась в полумрак. На сцене были установлены прожекторы – там, среди света и тени, танцевали полуобнажённые мужчина и женщина, которых она приняла за артистов балета. С осторожностью животного, почуявшего охотника, она шагнула вперёд. Но тут же поняла, что никому нет до неё дела, и взгляд её стал менее напряжённым. Тихо звучала песня «Небеса плачут». Она знала эту песню, давно ставшую классикой блюза.²² Хотя технически гитарные соло были незамысловаты, они всегда трогали её душу сильнее, чем слова песни. Эта мелодия пробуждала в ней какую-то возвышающую печаль. Оставаясь на своём месте, она огляделась, пытаясь понять, есть ли здесь кто-то из знакомых.

«Небеса плачут. Небеса плачут. По улицам катятся слёзы. Я ищу свою крошку.

Где же она может быть. . .»

Позади кто-то стал напевать, она почувствовала на затыл-

²² Имеется в виду песня Элмора Джеймса «The Sky Is Crying»

ке чужое дыхание и обернулась. И носом к носу столкнулась с бывшим однокурсником Альпером. Она растерялась, разрываясь между злостью на него и чувством стыда. В его же взгляде читалось любопытство – он явно был удивлён увидеть Нилюфер здесь, в этом доме. Поскольку молчание затянулось, Нилюфер решила объяснить: «Меня пригласил учитель Тезджан». Альпер, лукаво улыбаясь, покачал головой. И засыпал её вопросами. Нилюфер, чтобы не отвечать, смотрела на людей, находившихся вокруг сцены. Временами слышались взрывы хохота, музыка поглощала соблазнительные слова мужчин и томные взгляды женщин. Некоторые целовались в тёмных углах, движимые жгучим желанием.

Альпер указал на пустые кресла немного поодаль. Нилюфер после недолгих колебаний уступила его мягкой настойчивости. Однако присела в кресло, словно на минутку, не откидываясь на спинку. Чтобы не слушать Альпера, который постоянно находил новую тему для разговора, она стала внимательно изучать полутёмный зал. Два ярких растения – это были стрелиции – придавали свежест интерьеру в стиле ретро, в котором преобладали серые тона. Картины, идеально отполированная плитка, имитирующая дерево, расставленные повсюду скульптуры – всё привлекало внимание. Никогда раньше Нилюфер не видела подобной роскоши. В цветной игре теней статуи выглядели как безмолвные гости. Одна скульптура особенно привлекла её внимание: женщина, схватив стоящего перед ней на коленях мужчину за волосы,

мечом в другой руке отрубает ему голову. Когда Альпер заметил, что Нилюфер не сводит глаз со скульптуры, он начал рассказывать ей историю Юдифи и Олоферна. Юдифь, овдовевшая еврейка, желая спасти свой народ от ассирийцев, соблазнила царя Олоферна, а затем убила его.

«Откуда ты всё это знаешь?»

«Однажды учитель Тезджан привез сюда свою девушку-литовку, так она устроила скандал из-за схожести имён. Её звали Юдита, и это каким-то странным образом пробудило в ней ревность. Она утверждала, что её имя упомянуто намеренно, и долго ругалась и кричала на статую. Просто трагикомедия какая-то!»

Альпер расхохотался ровно в тот момент, когда звуки в зале затихли, поэтому все взгляды обратились на него. Нилюфер задержала дыхание, словно сама превратившись в статую. Она не знала, как вести себя под этими пристальными взглядами. Что сейчас будет? К счастью, снова зазвучало пианино, и Нилюфер выдохнула. Она готова была уже совсем расслабиться, как заметила в полумраке тень, медленно приближавшуюся к ней. Свет падал на фигуру сзади, поэтому она не видела лица. Её взгляд был прикован к белым перчаткам, парившим в пустоте, словно два лебедя. Когда человек из темноты протянул к ней руки, Нилюфер сначала почувствовала запах его парфюма. И в тот же момент в ней ожил давний страх, пробуждённый этим запахом. С пугливой нерешительностью она взяла руку, которую Тезд-

жан Айкол протянул ей, и с потухшим взглядом пошла вслед за ним к сцене, освещённой прожекторами. Под волной её длинных и густых золотистых волос грудь Нилюфер взволнованно поднималась и опускалась.

Замерли пальцы пианиста, с необычайной страстью исполнявшего полный стремительных арпеджио этюд Шопена. Пламя, поднимавшееся из костровой чаши, рождало на статуях и картинах причудливо переплетающиеся тени и формы. Свет лазера своим пьяным танцем кружил Нилюфер голову, алые отсветы пламени превращали её в богиню солнца. Стесняясь устремлённых на неё взглядов, она прижала голову к плечу учителя. И в этот момент ощутила странное чувство покоя. Когда вдруг вспыхнули разом все огни, она невольно прищурила свои свинцово-серые глаза. На её лице читалось удивление.

Пока Тезджан Айкол сдержанными кивками приветствовал присутствующих, Нилюфер узнала преподавателей консерватории и нескольких оперных певцов. Была и педагог по вокалу Жюлиде, возглавлявшая экзаменационную комиссию при отборе в оперу. Её суровый характер всегда вызывал у Нилюфер неуверенность в себе. Когда они встретились взглядами, сердце Нилюфер забилось. Она отвела глаза, пытаясь избавиться от тревоги, сдавившей ей грудь. Пока она боролась со своими мучительными переживаниями, по залу разнёсся властный голос Тезджана Айкола.

«Нилюфер Бингёль – моя бывшая студентка, прошу лю-

бить и жаловать. Ещё во время учёбы она привлекла моё внимание своими способностями. После окончания консерватории она продолжила обучение под моим наблюдением и стала востребованным в Европе сопрано, исполняющим важнейшие партии. С её красотой, достойной сцены, и глазами, поражающими человека с первого взгляда...»

Внутри у Нилюфер всё оборвалось – теперь она была беззащитна. Чтобы не потерять самообладание, она снова принялась старательно изучать зал. Сквозь высокие арочные окна, отделявшие террасу от зала, в помещение проникал свет городских огней. Казалось, этот дом хранит в себе свидетельства всех событий, когда-то в нём происходивших. Сейчас же здесь безумно вспыхивали огни. Красные, фиолетовые и жёлтые лазеры метались от стен к потолку, скользили по полу и ласкали лица людей, создавая ощущение непрерывного движения. Пока звукочувствительные лампы застыли в ожидании следующих слов, сердце Нилюфер бешено колотилось. Она больше не слышала ничего. Вокруг не было ни света, ни тьмы – было нечто иное, нечто большее. В этом новом волшебном мерцании антикварные вещи производили одновременно и тревожное, и убаюкивающее впечатление.

С улыбкой, застывшей в уголках губ, Тезджан Айкол пристально посмотрел на Нилюфер, и она вздрогнула. Теперь в зале царила полная тишина, нарушаемая лишь уютным потрескиванием дров в костровой чаше. Будучи истинным поклонником Италии, Тезджан Айкол не пожалел средств на

проектирование своего дома, начиная от выбора материалов и заканчивая линиями дизайна. Он стремился к утонченной, изысканной роскоши, и ему удалось скрыть свою любовь к излишествам под видом естественного, непринуждённого стиля. Вода, каскадом ниспадающая из неглубокого бассейна в гостиной, подобно ручейку вливалась в бассейн на террасе. Интенсивность света будто была точно выверена для воздействия на лимбическую систему каждого, кто пришёл сюда. Гладь нижнего бассейна отражала звёздное небо, создавая впечатление, что в нём можно плавать в любое время года. Приглушённый свет подчёркивал очарование Нилюфер: молочно-белые плечи, золотистые волнистые волосы, ниспадающие на ярко-синие бретельки платья. В её красоте удивительным образом сочетались сексуальность и невинность: большие глаза, полные красные губы, чётко очерченный подбородок и слегка вздёрнутый нос. Она, несомненно, привлекала всеобщее внимание.

Тезджан Айкол не скрывал, что его поражали её серые глаза, оттенок которых менялся от насыщенного свинцового до светло-туманного. По его мнению, глаза Нилюфер были из тех, что, словно холодная буря, пронизывают человека до глубины души. В гневе они наполнялись синими искрами, в радости – зелёными, вызывая у смотрящих ощущение дикой неукротимой силы. По мнению учителя, секрет её необыкновенной красоты заключался именно в глазах. Тезджан Айкол всё ещё молчал, и это его молчание было весомее слов

– своим присутствием он словно подчинил себе зал и хотел, чтобы все восхищались Нилюфер, чтобы все взгляды были прикованы к её глазам. Убедившись, что произвёл нужное впечатление, он кашлянул, принял серьёзный вид и сменил тему:

«Мы все понимаем, что предстоящие дни будут напряжёнными. Председатель Тарык Зия и его традиционалистская партия принижают искусство, клеймят художников как чуждых, нас ждёт суровое будущее, лишённое воздуха и света. Эта ситуация не может не пугать. Проработав одиннадцать лет генеральным директором оперного театра в этой стране, я всю свою жизнь боролся с этими заскорузлыми умами, словно опутанными паутиной. Будучи среди них, я выступал против них... Это чувство трудно описать – оно требует жить, не выдавая себя. В годы моей службы даже говорить об этом было слишком опасно. Нынешние политики обожают искусственно созданные страдания; это приносит им аплодисменты масс, но они не любят художников так же сильно, как и избирателей-болванов».

Желая выразить своё согласие, гости долго аплодировали.

«Искусство – это соединение идеи и страсти. Отсюда и нетерпимость: сами по себе идеи неопасны, но когда их выносят на сцену, они становятся сродни истерике. Таким образом искажаются и рушатся все современные идеи. Об этом можно говорить часами, но это ничего не изменит».

Потом, повернувшись к Нилюфер и не скрывая восхи-

щённого взгляда, он продолжил свою лстивую речь:

«Нилюфер – это восходящая звезда, благодаря которой откроется новая эра в нашей опере. Она настолько красива, что своим благородным обликом способна озарять сцену, она обладает потенциалом, который превознесёт её талант на гораздо более высокий уровень, она – великолепное со-
прано».

Нилюфер застыла на сцене, побледнев, как полотно от всего услышанного. Она посмотрела на Тезджана, её взгляд говорил: «Хватит лгать». Какими бы неправдоподобными ни были слова её учителя, он произнёс их так убедительно, что все готовы были ему поверить. Взглядом Нилюфер почти умоляла, чтобы он замолчал. Она была уверена, что когда правда выяснится, она станет посмешищем в глазах всех этих людей. К счастью, Тезджан Айкол, словно почувствовав её состояние, не стал затягивать свою речь.

«Несмотря на то, что я предложил ей место по восьмому пункту, Нилюфер настояла на том, чтобы сдать экзамен на общих основаниях. Я преклоняюсь перед такой честной и уверенной в своём искусстве артисткой».

Весь зал зааплодировал, а Нилюфер почувствовала себя такой же незначительной, как клочок бумаги, приколотый кнопкой к доске. Теперь, что бы она ни делала, все будут ожидать от неё большего. Было неважно, есть у неё талант или нет. Отныне её обязанностью было нести тот груз, что на неё возложили. Но она была уверена: придёт день, когда

кнопку из доски вытащат, и она слетит вниз, под ноги окружающих. Когда вновь зазвучало пианино, Нилюфер взмолилась про себя: «Хоть бы кто-нибудь меня спас!» В зале нашлись те, кто захотел сейчас же испытать талант Нилюфер, но Тезджан отговорил их под предлогом того, что до экзамена ей нельзя перегружать голос. Затем он равнодушно удалился и сел за один из столиков, словно Нилюфер, которую он минутой ранее осыпал похвалами, его вовсе не интересовала. Нилюфер осталась одна под пристальным вниманием множества людей. Она не знала, как отвечать на их вопросы. Когда Альпер взял её под руку и увёл со сцены, она вздохнула с облегчением.

«Что это было?»

Она была в замешательстве. С одной стороны, она пыталась понять, почему учитель Тезджан так поступил. С другой стороны, она была потрясена чрезмерным вниманием людей. Нилюфер хотелось уйти из этого дома, но Альпер в который раз попросил её не волноваться, и постепенно её решимость ослабла. словно тонкая завеса тумана окутала её волю. Альпер, не получив ответа, спросил: «Выпить хочешь?» Нилюфер смотрела на него пустыми глазами, поэтому он добавил: «Алкоголь снимет напряжение».

«Нет, алкоголь я не буду!»

«Ты вообще понимаешь, что этот приём устроен в твою честь! Только посмотри на себя, ты даже не улыбаешься...»

Нилюфер молчала, и Альпер отошёл, через некоторое

время вернувшись с двумя бокалами. Когда он поставил один перед Нилюфер, она снова была поглощена скульптурой, изображающей Юдифь и Олоферна. Чтобы её успокоить, Альпер сказал, что принёс содовую с лимоном. Когда Нилюфер с сомнением посмотрела на бокал, он продолжил убеждать её:

«Самое большое желание всех оперных – быть приглашёнными в этот дом. Выпади им такой шанс, и каждый из них отдал бы за это всё на свете. А ты, кажется, даже не понимаешь, насколько тебе повезло оказаться здесь!»

«Почему учитель Тезджан сказал неправду?»

«Всё, что он сказал – правда».

Нилюфер не поняла, что он имеет в виду, и оглядела зал. Кто-то развлекался, кто-то беседовал, кто-то пил так, словно и не собирался никогда отсюда уходить. Может быть, не всё шло так, как планировал учитель. Она уже не сопротивлялась, когда Альпер взял со столика бокал и протянул ей. Пока она пила, её взгляд был сфокусирован в одной точке. После недолгих раздумий она всё же возразила:

«Но я не понимаю! Они что, не знают, что уже три года я пытаюсь пройти экзамены в оперу, еле свожу концы с концами, хватаясь за любую работу?» Голос её прозвучал глухо, словно ожидая возражений, она повернулась к Альперу:

«Я ведь уже поверила, что не попаду в оперу. Я уже сдавалась...»

«Когда речь идёт об искусстве, авторитет Тезджана Ай-

кола непреклонен. Завтра все газеты, новостные агентства, телевизионщики, вся театральная и оперная братия... Да и политики тоже легко поверят в поднявшуюся шумиху. Эти пустословы, всё ещё находящиеся под гипнозом учителя Тезджана, тоже ведь прекрасно знают: у искусства не может быть единственной истины, как не может быть единственно-го взгляда на правду в нашей стране...»

«Неужели никто не видит, что происходит на самом деле?»

«Слово учителя Тезджана – закон. Все присутствующие уже завтра начнут говорить об успешной певице, прибывшей из-за границы. Те, кто тебя сегодня не замечал, завтра станут тебе аплодировать. Это факт, который уже ничто не изменит. Как и то, что ты будешь принадлежать к тому же кругу, что и люди, которых сейчас видишь перед собой...»

«Неужели они готовы поверить любой лжи?»

«Слушай! В мире оперы не бывает счастливых. Если ты оторван от реальности, ты выбираешь веру в ложь. Народу невдомёк, какова жизнь оперных, а оперные, в свою очередь, не хотят разоблачения. Потому как им нравится их неприкосновенность. При каждом удобном случае они обожают расписывать своё творчество в самых ярких красках и преподносить его как высокое искусство. Но эта броня неприкосновенности может быть насквозь пробита словами всего одного человека». Сделав паузу, он принялся глазами искать Тезджана. Найдя, продолжил: «На кого он укажет пальцем,

того и поставят на пьедестал. И не забывай – в опере не любят талантливого артиста так, как он того заслуживает. Оперные ведь даже себя ненавидят, куда уж им понять другого».

«Но почему?»

«Из зависти...»

Альпер поднялся, чтобы наполнить опустевший стакан. Нилюфер смотрела ему вслед. Он старался идти мелкими шажками, чтобы не шататься. Он явно опьянел. Они долго не виделись после окончания консерватории. Альпер как-то неожиданно прошёл экзамен в оперу, что всех удивило. Он уже года три числился в хоре, но так ни разу и не вышел на сцену. Тем не менее, он всё же получил стабильный доход, приобрёл барские замашки и окружение, которое не прочь бы иметь каждый. Когда через десять месяцев после выпуска она исполнила на сцене в баре «FB» песню «You Showed Me The Way», группа молодых людей начала бурно ей аплодировать. Она подумала, что их могло впечатлить совершенство её исполнения и то, как она использовала свой голос в импровизациях, имитируя звук трубы. Продолжительные аплодисменты и свист не прекращались, Нилюфер обернулась и сразу узнала Альпера. Она удивилась. После выступления она подошла к своим старым друзьям, и Альпер без конца расхваливал её перед окружающими. В последующие дни он постоянно искал повод встретиться. Даже в самые загруженные дни звонил и не переставал проявлять внимание.

Альпер вернулся, рухнул в своё кресло. Одним глотком

осушил бокал. Колени его непрерывно дёргались, не попадая в ритм скрипки, виолончели и фортепиано. Не было даже понятно, весел он или напряжён. В этот момент Нилюфер осознала, что внутри неё словно живёт другая личность, придающая её присутствию здесь совсем иной смысл. Даже надежда попасть в оперу больше не вызывала у неё прежнего трепета. Казалось, она была втянута в приключение с неизвестным концом. С первой минуты в доме Тезджана она держалась только ценой этого внутреннего отстранения. Но нет! Она не должна идти на поводу у мечты, которая опустошит её душу. Больше всего на свете стремясь стать частью оперного мира, она в итоге найдёт в себе силы отказаться от этой мечты. Как и всегда, ей нужна привычная, ровная тишина. Она допила газировку, которая уже почти выдохлась, и решила уйти.

Когда свет нового дня под звуки Девятой симфонии Бетховена ударил Нилюфер в лицо, голова у неё раскалывалась, как никогда ранее. Музыка, источник которой невозможно было определить, несмотря на радостные мотивы в побочных темах, сразу проникла в её подсознание как предвестие хаоса. Когда жалобные ноты медленно стихли, Нилюфер открыла глаза. Она лежала в огромной кровати. Нилюфер со страхом приподняла край одеяла и, увидев, что она голая, почувствовала, как внутри у неё всё оборвалось. Порванное нижнее бельё валялось рядом. Она испуганно переводила взгляд со стены на стену, с платяного шкафа на туалетный

столик. Собравшись с духом и понимая, что это причинит боль, она попыталась восстановить случившееся по последнему образу, сохранившемуся в её сознании после этой туманной ночи. Чем больше она думала, тем сильнее чувствовала, как её разум погружается в бездонную тьму. Теперь текущие ноты симфонии, подхваченные стремительным ритмом скерцо, приобрели насмешливый, бурный и даже гневный тон. В ужасе она закрыла глаза. Ей показалось, что от потрясения даже ноги перестали ей повиноваться.

Она помнила всё, о чём вчера они говорили с Альпером. Она была уверена в том, что он был пьян, но сама-то она не пила. Оба они сидели вдалеке от толпы. Она помнила, как решила уйти. Но вот после... Она перебирала воспоминания, но повсюду натыкалась на одну лишь темноту. Была ли она сейчас в доме Альпера? Картинка прошлой ночи обрывалась на определённом моменте, а всё, что следовало за ним, тонуло в чёрной пустоте. Она поднесла пальцы к вискам, надеясь, что боль в голове заставит её забыть о чувстве вины. Теперь она осталась наедине с самой страшной догадкой из всех, что приходили ей в голову. Она снова огляделась. Изысканного дизайна кровать, тюлевый балдахин, элегантный белый оттенок дерева... Стены, мебель, пол, потолок... Всё было белоснежным.

В панике Нилюфер вскочила с кровати и принялась искать выход. Не найдя дверей, стала в отчаянии бегать по комнате. Если бы отсюда был выход, она бы непременно его на-

шла. Раздавленная безысходностью, она прошла в ванную, умылась. Подняв голову, она столкнулась с ещё одной неприкрытой реальностью. Герпес на губе не имел значения, это скорее всего от страха. Больше тревожили синяки на шее, которых не было вчера. Когда Нилюфер осознала весь ужас своего положения, она пошатнулась, словно поверженная. Если бы ночь умела говорить, Нилюфер не была бы сейчас пленницей своей непокорной памяти. Она в спешке начала искать свою одежду. Ей нужно было срочно покинуть этот дом. Она надела бельё, потом нашла платье, валявшееся в углу. Подняла с пола пальто. Снова начала искать дверь, и, не найдя, в ярости стала крушить всё вокруг. Она яростно била ногами по паркетному полу и швыряла всё, что попадалось под руку. Потом в отчаянии бросилась к окну – здание было слишком высоким. Настолько, что у неё закружилась голова и она прислонилась к стене. Где могли быть её туфли? Взгляд её блуждал по комнате, пока не остановился на выпавшем из кармана листке бумаги. Адрес... Она начала вспоминать, зачем вчера вечером пришла в дом учителя Тезджана и о чём говорила с Альпером. Только смутные ассоциации, и ничего, что бы говорило о том моменте, который так мучил её разум. Когда к этому внутреннему безмолвию примешалась боль в душе, Нилюфер всхлипнула и по-настоящему дала волю слезам.

Услышав шорох, она затаила дыхание и прислушалась. Когда одна из стен раздвинулась и показался лифт, она за-

стыла в изумлении. Сама она никогда бы его не нашла. Пошатываясь, она направилась к лифту, когда из него вышла женщина в одежде горничной: «Маэстро ждёт Вас». До этого момента Нилюфер не хотела мириться с тем фактом, что могла остаться в доме учителя Тезджана. Она не ответила, а лишь последовала за горничной в лифт. Да и что она могла сказать? По акценту женщины было ясно, что она иностранка. Стесняясь, Нилюфер смогла спросить только: «Вы были здесь всю ночь?» Женщина хладнокровно ответила, что пришла только утром. Больше они не разговаривали. Когда лифт остановился и двери открылись, она словно оказалась в совершенно другом доме. Он напоминал музей, только не было коридоров и перегородок, никакого разделения на комнаты. Идя вслед за горничной, Нилюфер изучала помещение. Эта комната, в отличие от той, где она проснулась, была выдержана в ретростиле. Предметы антиквариата, маленькие статуэтки – вещи казались расставленными случайно, но в их расположении явно чувствовалась симметрия и изящество линий. Массивная мебель своим продуманным беспорядком создавала ощущение дороговизны и добротности. Кованая люстра, главенствовавшая в зале, освещала кресла, подушки, чехлы диванов и шторы с ламбрекенами, подчёркивая благородство шёлка, бархата и жаккарда. Нилюфер была уверена, что находится в другом доме, не там, где вчера был приём. Но если она была не в доме Тезджана, то где же?

Путь в другой конец большой залы был довольно долгим,

но наконец она увидела Тезджана Айкола. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и задумчиво смотрел в пол. Одиноко тлела зажатая между пальцами сигара. Когда учитель заметил подошедших, не изменив позы, с серьёзным выражением лица он приказал горничной выйти. Когда они остались наедине, Нилюфер внимательно взгляделась в лицо своего бывшего наставника, словно видела перед собой незнакомца. Голова его, казалось, не подходила к небольшому щуплому телу. Широкий лоб плавной непрерывной линией переходил в нос, напоминавший баклажан. В линии губ читалась бескомпромиссная жёсткость. Было ясно, что за морщинистой кожей и крашеными волосами скрывалось упрямое сопротивление старости. Один зелёный костюм Prada говорил о его жажде жизни громче любых слов. Одежда на нём была идеально выглажена – годы не изменили его привычек.

Когда Нилюфер перевела взгляд туда, куда смотрел Тезджан Айкол, она увидела воду, стекавшую из дома на террасу. При виде зрелища, поразившего её ещё прошлой ночью, горькое раскаяние захлестнуло её душу, ещё не оправившуюся от боли и потрясений. Они находились в эркере, словно рогом врезающемся в пространство зала, где вчера проходил приём, хотя сначала Нилюфер была уверена, что находится в другом доме. Чем пристальнее она смотрела в гостиную внизу, тем чётче в её сознании вырисовывалась картина прошлой ночи.

«Это твой дом?»

«Он не всегда так переполнен, как это было вчера ночью».

«Что со мной вчера случилось?»

«Все только и говорили, что о твоей красоте. Ближе к ночи ты была похожа на захмелевшую богиню».

Сделав последнюю затяжку сигарой, Тезджан Айкол затушил её. Когда Нилюфер почувствовала запах его парфюма, в памяти ожили неприятные воспоминания. Когда-то в консерватории он стремился взять её под своё покровительство и любыми способами быть рядом, а когда это удалось, попытался перейти к домогательствам... Каждый раз, когда она чувствовала этот запах, её охватывало чувство отвращения. Её раздражал его надменный тон. С тех пор как она проснулась, она искала ответ, который мог бы развеять терзавшие её душу сомнения. Когда Тезджан Айкол перевёл на неё свой наглый взгляд, Нилюфер рефлекторно отвела глаза. Ей показалось, что он может прочесть её мысли. Ненависть, которую она испытывала до этого момента, вдруг обернулась необъяснимым чувством стыда. Поскольку Нилюфер молчала, её бывший наставник нарушил молчание:

«Ты что, не помнишь, зачем пришла сюда?»

«Из-за необходимости, которую я приняла с отвращением...»

«Ну вот, ты и сама всё понимаешь!»

Ответ больно задел женское самолюбие Нилюфер. Нет, не могло всё закончиться именно так! Осознав наконец правду, с которой она не могла смириться с самого пробуждения,

Нилюфер в отчаянии закричала:

«И ты! Неужели, пока я была без сознания, ты... ты, жалкий, дряхлый старик с иссохшими губами и морщинистым лицом, в приступе похоти и безумия изнасиловал это безвольное тело, которое было в тот момент всего лишь куском плоти?... Да ты просто псих!»

Голос её сорвался и задрожал, она огляделась в поисках выхода. Но едва она сделала шаг, как старик неожиданно проворно схватил её за руку.

«Эти светлые волосы, эти серые глаза... Эти полные влажные губы на розовеющем лице, подёрнутом утренней дымкой... Я созерцал всё это до утра, словно рассматривал картину. Я ждал этого долгие годы».

Голос учителя был хриплым. Нилюфер попыталась высвободить руку, глаза её горели враждой. От его слов она словно обезумела.

«И ты, – закричала она. – Неужели ты превратился в животное? Неужели целовал... жадно впивался в эти губы?»

«Единственная вина такой страсти в том, что она сама себя разоблачает».

Высвободившись из цепких лап Тезджана Айкола, Нилюфер не смогла сдержать слёз. Если бы она знала, что это поможет её израненной душе, она безжалостно избивала бы его, выплеснув таким образом свою ярость. Но она лишь окинула его брезгливым взглядом, словно смотрела на насекомое, и сказала: «Ты просто жалок». Голос звучал глухо, она была не

в силах продолжать. Она могла бы обрушить на этого мерзкого человека десятки оскорблений, которые накопились у неё в душе. Какое-то необъяснимое чувство удержало её: то ли прежний статус учителя, то ли уважение к его возрасту. Едва сдерживая злость, её бывший наставник признался:

«Как бы я ни старел, я не могу дышать, не думая о тебе».

Поскольку Нилюфер не ответила, старик продолжал оправдываться:

«Неважно, сколько будет длиться эта страсть. Главное, что она вошла в мою жизнь».

На его чёрством лице не было и следа раскаяния. Нилюфер не могла поверить, что он ведёт себя как ни в чём не бывало. Когда Тезджан Айкол мягким движением поднялся и сделал шаг в её сторону, она отступила назад. У неё перехватило дыхание. Не подходя ближе, Тезджан Айкол спросил:

«Ты придёшь на вступительные экзамены в консерваторию – по крайней мере, об этом мы договорились, не так ли?»

Нилюфер только сейчас поняла, что этот опасный, переходящий в одержимость нездоровый интерес он носил в себе уже много лет. Она видела, как её мир рушится, она уже чувствовала себя похороненной под обломками. Она совершенно не знала, как теперь вынести то, что будет дальше. Что же произошло с ней ночью... Нет, она ничего не помнила. Будь что будет, но она не должна позволить этому старому извращенцу повелевать своими мечтами, она не войдёт ни в одну

из открытых им дверей.

«После вчерашней ночи я не могу прийти на экзамен. Если приду, не смогу жить...»

«Ты называешь жизнью то, что следует забыть...»

«Я ничего не забуду».

«Послушай! Если бы ты не забыла о смерти, разве прожила бы так долго? Отвечай!»